

СОДЕРЖАНИЕ

ПО МОРЮ ПРОЧЬ	5
ГОДЫ	355

Глава 1

По узким улицам, ведущим от Стрэнда к Набережной, не стоит ходить под руку. Если вы все-таки от этого не удержитесь, встречным клеркам придется прыгать в лужи, а молоденькие машинистки станут нетерпеливо топтаться у вас за спиной. На лондонских мостовых красоту никто не ценит, но необычность не проходит даром, поэтому там лучше не быть слишком высоким, не носить долгополый синий плащ и не размахивать в воздухе левой рукой.

Как-то в начале октября, в тот послеполуденный час, когда уличное движение становится особенно суетливым, по тротуару шли под руку высокий мужчина и дама. Гневные взгляды впились им в спины. Украшенные авторучками и обремененные портфелями нервные маленькие люди — а по сравнению с этой четой все люди казались маленькими — боялись опоздать на деловые встречи, ни на минуту не оставляя мыслей о своем еженедельном жалованье, так что легко можно было понять неприязнь, с которой они смотрели на долговязую фигуру мистера Эмброуза и длинный плащ миссис Эмброуз. Однако некая отрешенность отгораживала обоих от злобы и недоброжелательности внешнего мира. Что касается мужчины, то, судя по движениям губ, он был погружен в свои мысли; в глазах женщины, неподвижно уставившихся поверх взглядов толпы, блестела печаль. Только насмешливое презрение ко всему окружающему помогало ей удержаться от слез, но каждое прикосновение сновавших мимо людей явно причиняло страдание. Сделав над собою усилие, она минуту или две взирала на движение экипажей и машин по Набережной, а затем, выбрав короткий промежуток между автомобилями, дернула мужа за рукав, и они пересекли улицу. Когда они оказались в безопасности на дру-

гой стороне, она осторожно высвободила руку из-под его руки, одновременно позволив своим губам расслабиться и задрожать. Вслед за этим из глаз ее полились слезы, и она, облокотившись на балюстраду, скрыла лицо от посторонних взглядов. Мистер Эмброуз стал было утешать жену, похлопывая по плечу, но она не обратила на это никакого внимания. Тогда, чувствуя, что неловко просто так стоять рядом с человеком, чье горе намного превосходит его собственное, он сцепил руки за спиной и стал не спеша прогуливаться по тротуару.

Во многих местах Набережная вдается в реку угловатыми выступами, похожими на церковные кафедры, однако вместо проповедников их занимают мальчишки, которые удят рыбу, швыряют камешки или пускают в дальнее плавание комья смятой бумаги. У них острый глаз на все экстравагантное, поэтому вид мистера Эмброуза, по их мнению — недопустимо странный, сразу привлек их внимание. Когда он проходил мимо, самый остроумный из них выкрикнул: «Синяя борода!» Мистер Эмброуз, боясь, что дальше они примутся за его жену, замахнулся на мальчишек тростью, отчего те окончательно уверились в его полной нелепости, и уже четверо хором закричали: «Синяя борода!»

Хотя миссис Эмброуз стояла не двигаясь неестественно долго, мальчишки не стали ее донимать. Около моста Ватерлоо всегда кто-нибудь смотрит на реку. Тихими вечерами там то и дело останавливаются парочки поворковать с полчаса, а просто любители прогулок не упускают задержаться минуты на три и полюбоваться видом; сравнив представившуюся их взорам картину с виденными ранее и сделав подобающий вывод, они отправляются дальше. Иногда жилые дома, церкви и гостиницы Вестминстера напоминают очертания Константинополя в дымке; иногда река бывает темно-пурпурной, иногда просто цвета грязи, а порой — искристо-синей, как море. Всегда стоит взглянуть вниз и посмотреть, какая она сейчас. Но эта дама не любовалась ни далью, ни красотой вод — единственное, что она видела с тех пор, как замерла у балюстрады, было медленно проплывавшее мимо круглое радужное пятно с клоком соломы посередине. Пятно и солома все плыли и плыли в дрожащей прозрачности крупной слезы, которая наполнялась и капала в реку и сразу же сменялась другой. Тут женщина услышала — громко, будто декламировали ей на ухо:

*Ларс Порсена Клузианский
Девятью богами клялся...*

а потом все тише, как если бы чтец стал удаляться:

*Что великий Дом Тарквиньев
Не постигнут больше беды...**

Она, конечно, понимала, что пора вернуться ко всему этому, но сейчас она должна была выплакаться. Закрыв лицо ладонями, она еще самоотверженнее отдалась рыданиям, и ее плечи стали вздыматься и опадать с четкой размеренностью. Такой увидел ее муж, когда, дойдя до сверкающего отполированной поверхностью сфинкса и столкнувшись с продавцом открыток, повернул обратно. Стихи оборвались. Он подошел к ней, положил руку ей на плечо и сказал:

— Дорогая...

В его голосе слышалась мольба, но она отвернулась, как бы говоря: «Тебе ни за что не понять!»

Однако он не оставил ее, и ей пришлось вытереть глаза и поднять голову и увидеть фабричные трубы на том берегу. А еще она увидела арки моста Ватерлоо и повозки, двигавшиеся в них, как звери-мишени в тире. Все это она едва могла разглядеть, но она это видела, а вторжение зримой реальности означало, что пора прекращать плач и идти дальше.

— Я бы лучше пошла пешком, — сказала она, когда ее муж остановил экипаж, в котором уже сидели два дельца из Сити.

Ходьба постепенно рассеивала ее горестную сосредоточенность. Стреляющие выхлопами автомобили, более похожие на сверхъестественных пауков, чем на земные средства передвижения, громыхающие телеги, позвякивающие двуколки, маленькие черные кареты заставили ее обратить мысли к миру, в котором она жила. Где-то там, далеко, за шпильями, за вздымающимся горой дымом города, ее дети сейчас спрашивают о ней и получают уклончивый, успокаивающий ответ. К разделявшей их громаде из улиц, площадей, казенных зданий она испытывала, на удивление, мало теплых чувств, несмотря

* Начальные строки стихотворения «Гораций» Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859), который больше известен как историк, публицист и политический деятель. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

на тридцать из сорока лет ее жизни, проведенные в Лондоне. Она умела читать обличья людей, проходивших мимо: были среди них богачи, сновавшие в этот час между обиталищами себе подобных, были работяги, фанатически сосредоточенные только на своем деле, и ни на чем другом, — эти ровными рядами брели на работу; были и бедняки — несчастные и озлобленные, какими им и следовало быть. Хотя городская дымка еще пронизана была солнцем, оборванные старики и старухи клевали носом и засыпали на скамейках. Взгляд, уставший высматривать красоту, окутывающую мир, обречен остановиться на уродливом острове, который всегда под ней.

Начавшийся мелкий дождь окрасил мир в глазах миссис Эмброуз в еще более мрачные тона; намалеванные на фургонах нелепые названия нелепых компаний выглядели пошло и вызывали досаду, как плоская шутка: «Спрулз, производитель опилок» или «Грабб — каждый клочок использованной бумаги — в дело!»; храбрые влюбленные, укрывшиеся под одним дождевиком, казались ей соединенными развратом, а не любовью; самодовольные цветочницы, чьи пересуды всегда так интересно послушать, были теперь просто сворой мокрых ведьм, а их красные, желтые и голубые цветы, тесно увязанные в букеты, всем своим видом говорили, что они уже никогда не расправят примятые лепестки. Даже ее муж, шедший быстрым размеренным шагом, иногда взмахивая свободной рукой, — на фоне летающих в небе чаек он преобразился то ли в викинга, то ли в раненого Нельсона.

— Ридли, может, поедем? Может, поедем, Ридли?

Миссис Эмброуз пришлось почти кричать — в этот момент мысли ее спутника унесли его куда-то далеко.

Экипаж, мерно подрагивая, вскоре вывез их из Вест-Энда и окунул в Лондон. Ей представилось, что весь остальной Лондон — один необъятный завод, где все жители — рабочие, а Вест-Энд со своими электрическими фонарями, отражающими желтый свет зеркальными витринами, аккуратными домиками и маленькими подвижными фигурками — семенящими по тротуарам или колесящими по мостовым — и есть единственное изделие этого завода. А еще ей представилось, что Вест-Энд — это маленькая золотая кисть на краешке огромного черного плаща.

Заметив, что навстречу им не попало ни одного двухколесного экипажа, но все только фургоны и телеги, а среди

сотен увиденных ею мужчин и женщин ни разу не мелькнули ни джентльмен, ни леди, миссис Эмброуз подумала, что в бедности нет ничего необычного и что Лондон — город бесчисленных бедняков. Испуганная этим открытием, она осознала, что все дни своей жизни кружила возле площади Пикадилли, поэтому вид здания, построенного Советом Лондонского графства для Вечерних школ, принес ей большое облегчение.

— Господи, какое унылое строение! — проворчал ее муж. — Бедные создания!

На нее, терзаемую тоской по собственным детям, картинами бедности и дождем, эти слова подействовали, как шепотка соли, брошенная на открытую рану.

Тут экипаж встал, потому что, двигаясь дальше, он рисковал быть раздавленным, как яичная скорлупа. Широкая Набережная, где хватало места и для пушек, и для кавалерийских эскадронов, теперь сузилась до мощенного бульжником проезда, до отказа забитого телегами; в нос ударили запахи солода и растительного масла. Пока ее муж читал наклеенные на кирпичную стену объявления об отправке судов в Шотландию, миссис Эмброуз стала делать отчаянные усилия что-нибудь разузнать. Однако все окружающие, окутанные желтоватой дымкой, были целиком поглощены погрузкой мешков на телеги, и от них не удалось добиться ни помощи, ни внимания. Но тут свершилось чудо — к мистеру и миссис Эмброуз подошел старик, осведомился об их затруднениях и предложил подвезти их до корабля на своей лодке, пришвартованной у подножия лестницы. Недолго поколебавшись, они вверили себя старику, уселись в лодку и вскоре уже раскачивались на волнах, а Лондон превратился в два ряда зданий по обе стороны, зданий квадратных и зданий длинных, вытянувшихся в линии, как игрушечная улица из детских кубиков.

В течении реки чувствовалась великая мощь; здесь и там в воде плескались блики желтого света; грузные баржи спускались вниз, опекаемые юркими буксирами; быстрее всех носились полицейские катера; ветер дул в сторону моря. Гребная лодчонка, в которой они сидели, подсакивала и проваливалась, пробираясь поперек линии движения. На середине реки старик сложил руки на веслах, отчего вода забурлила у их лопастей, и заметил, что раньше он переправлял через реку множество людей, а теперь — на тех же бойких местах — редко кто попадется. Казалось, он вспоминал времена, когда его лодка,

отчалив от зарослей камыша, перевозила изящные ножки на луга Розерхайза*.

— Теперь им мосты подавай, — сказал он, махнув в сторону причудливых очертаний Тауэрского моста. Хелен с грустью посмотрела на человека, водой отделявшего ее от детей. С грустью взглянула она и на корабль, к которому они приближались; он стоял на якоре на самой середине течения, и, если напрячь глаза, уже можно было разглядеть его имя — «Евфросина».

В спускающихся сумерках они едва могли рассмотреть линии оснастки, мачты и темный флаг, расправленный ветром в обратную от них сторону.

Когда лодчонка подчала к пароходу, старик втащил весла на борт и, еще раз указав наверх, заметил, что корабли всего мира поднимают такой флаг в день отплытия. В глазах обоих его пассажиров синий флаг представился зловещим знаком, души их наполнились мрачными предчувствиями, но тем не менее они встали, взяли свои вещи и взобрались на палубу.

Мисс Рэчел Винрэс, двадцати четырех лет, стояла в нижнем салоне корабля, принадлежавшего ее отцу, и нервничала в ожидании своих дяди и тети. Начать с того, что, хотя они и были ее близкими родственниками, она их почти не помнила; потом — они были пожилые; наконец, как дочь своего отца она была обязана развлекать их. От первой встречи с ними она ожидала того, что обычно ожидают современные люди от знакомства с себе подобными, относясь к нему как к очередному физическому неудобству — вроде тесных туфель или сквозняка. Рэчел уже была неестественно напряжена. Она принялась укладывать вилки на обеденном столе строго параллельно ножам и тут услышала мужской голос, мрачно проговоривший:

— В темноте ничего не стоит упасть с этих ступенек вниз головой.

А женский голос добавил:

— И убиться насмерть.

На последнем слове женщина показалась в дверях. Высокая, большеглазая, закутанная в багровую шаль, миссис Эмброуз была необыкновенно хороша, хотя в ней не чувствовалось тепла — глаза ее смотрели прямо и оценивающе. Ее лицо

* *Розерхайз* (Rotherhithe) — исторический район Лондона, где в XVIII в. был увеселительный парк. Во время действия романа там помещались доки.

было мягче античных лиц, но в то же время в нем было гораздо больше решительности, чем у обычной миловидной англичанки.

— Рэчел! Ну, здравствуй, — сказала она и протянула руку.

— Здравствуй, дорогая, — сказал мистер Эмброуз, склоняя голову для поцелуя. Его племяннице сразу и безотчетно понравились его угловатая фигура, большая голова, крупные черты лица и пронизательные, но в то же время наивные глаза.

— Позовите мистера Пеппера, — велела Рэчел слуге.

Сели: муж и жена по одну сторону стола, а их племянница — напротив.

— Отец попросил меня начать, — объяснила Рэчел. — Он очень занят там с командой... Вы знаете мистера Пеппера?

Тихо вошел невысокий человечек, похожий на деревце, перекошенное ураганом на одну сторону. Кивнув мистеру Эмброузу, он пожал руку Хелен.

— Сквозняки, — пожаловался он, поднимая воротник пиджака.

— Вы по-прежнему страдаете ревматизмом? — спросила Хелен. Голос у нее был низкий и чувственный, хотя сейчас она говорила с отсутствующим видом: перед ее глазами еще стояли картины города и реки.

— Кто раз встретился с ревматизмом, боюсь, не расстанется с ним никогда, — ответил человечек. — В некоторой степени это зависит от погоды, хотя не настолько, как принято считать.

— Во всяком случае, от этого не умирают, — сказала Хелен.

— Как правило — нет, — согласился мистер Пеппер.

— Суп, дядя Ридли? — спросила Рэчел.

— Спасибо, дорогая, — отозвался тот и, протягивая свою тарелку, вполне различимо прошептал со вздохом: — Она совсем не похожа на мать!

Хелен не успела вовремя грохнуть стаканом об стол, поэтому Рэчел все услышала и тут же густо покраснела.

— Как же эти слуги обращаются с цветами! — торопливо проговорила она. Поджав губы, она поставила перед собой вазу и стала вынимать из нее мелкие тугие хризантемки, аккуратно, одна к одной, раскладывая их на скатерти.

Последовала пауза.

— Вы ведь знали Дженкинсона, Эмброуз, не так ли? — спросил через стол мистер Пеппер.

— Дженкинсона из Питерхауза?*

— Умер, — сказал мистер Пеппер.

— Боже! Я знал его — лет сто назад. Он еще перевернулся на челноке, помните? Чудаковатый тип. Женился на юной табачнице и жил на Болотах**. Не слышал, что с ним потом стало.

— Виски, морфий... — со зловещей лаконичностью сообщил мистер Пеппер. — Написал комментарий. Говорят, безнадежный бред.

— А ведь у него были большие способности, — сказал Ридли.

— Его предисловие к Джеллаби до сих пор держится. Что удивительно, учитывая, как быстро сменяются учебники.

— Кажется, еще у него была какая-то теория насчет планет? — спросил Ридли.

— С мозгами у него было не все в порядке, это точно, — кивнул мистер Пеппер.

В этот момент по столу прошла дрожь, фонарь снаружи закачался. Сейчас же несколько раз пронзительно прозвенел электрический звонок.

— Отбываем, — сказал Ридли.

Затем пол будто приподняло волной — слегка, но ощутимо, — потом уронило вниз и опять приподняло, еще более ощутимо. Огни в незашторенном окне пошли назад. Корабль издал громкий тоскливый зов.

— Отбываем! — сказал мистер Пеппер.

Другие корабли так же печально ответили с реки. Ясно были слышны плеск и шелест воды, судно покачивалось, и стюарду, принесшему тарелки, пришлось удерживать равновесие, когда он задергивал занавес. И снова беседу прервала пауза.

— А что Дженкинсон из Кэтса, вы еще поддерживаете с ним отношения? — спросил Эмброуз.

— Так же, как и все. Собираемся раз в год. В нынешнем году он имел несчастье потерять жену, поэтому встреча была довольно тягостной.

— Да, понимаю, — согласился Ридли.

* Беседа между собой, Эмброуз и Пеппер упоминают названия, связанные с Кембриджским университетом, хотя некоторые из них вымышлены. *Питерхауз* — кембриджский колледж, *Кэтс* — кембриджский колледж Св. Екатерины. Джеллаби, коллекция Брюса — вымышлены.

** *Болота (Фенз)* — низменная местность в Восточной Англии.

— У него есть незамужняя дочь, которая вроде ведет его хозяйство, но это, разумеется, совсем уже не то, особенно для человека его возраста.

Оба джентльмена глубокомысленно покивали, очищая яблоки.

— Ведь он, сдаётся, написал книгу? — спросил Ридли.

— Написал, но больше уже не напишет! — заявил мистер Пеппер с такой свирепостью, что привлек внимание обеих дам. — Не напишет больше ни одной, потому что и ту за него написал кто-то другой, — продолжал мистер Пеппер, подпуская все больше яда. — Иначе и быть не может, если все постоянно откладывать на потом, собирать окаменелости и приделывать норманнские арки к свиарникам.

— Признаюсь, я ему сочувствую, — проговорил Ридли с меланхолическим вздохом. — Я испытываю симпатию к людям, которые ничего не могут начать.

— Горы хлама, скопившегося за жизнь, прожитую зря, — не унимался мистер Пеппер. — У него столько хлама, что и в хороший сарай не влезет.

— А некоторым из нас этот порок не знаком, — сказал Ридли. — Только что вышла еще одна работа нашего общего друга Майлза.

Мистер Пеппер издал короткий едкий смешок.

— По моим подсчетам, он выпускает два с половиной тома ежегодно — что, если вычесть время, проведенное им в колыбели, и другие издержки, свидетельствует о похвальной плодовитости.

— Да, вполне оправдалось то, что говорил о нем старый ректор.

— Они были в таких отношениях... — сказал мистер Пеппер. — Вы знаете о коллекции Брюса? Между нами, конечно.

— Еще бы, — со значением ответил Ридли. — Для богослова он был весьма фриволен.

— Водяная колонка в переулке Невилля?

— Именно.

Обе дамы, как и приличествует их полу, прекрасно умели поддерживать беседу мужчин, не прислушиваясь к ней, а тем временем, никак не подавая виду, думать о чем-либо своем — о воспитании детей, об использовании противотуманных сирен в опере или о чем угодно еще. Хелен лишь показалось, что Рэчел для хозяйки не слишком-то хлопотлива, а еще — что ей следовало бы унять свои руки.